

КОГНИТИВНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ АВТОРСКОГО КОНЦЕПТА В ПРОЦЕССЕ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ РЕЦЕПЦИИ

К. В. Мартынюк

COGNITIVE TRANSFORMATIONS OF THE AUTHOR'S CONCEPT IN THE PROCESS OF THE READER'S RECEPTION

K. V. Martyniuk

Статья посвящена процессам концептуализации авторского текста его реципиентами. Целью статьи является анализ трансформаций авторского концепта в процессе его когнитивной обработки читателем. Полученные данные подтвердили гипотезу о том, что совокупность концептуальных признаков того или иного индивидуального концепта не является стабильной неизменяемой системой, а подвергается постоянным трансформациям, базирующимся на модусе восприятия.

The paper focuses on the processes of the reader's conceptualization of the author's text. As a result of the analyses, the hypothesis was proved that conceptual features of an individual concept are not permanent invariable features and can be continuously transformed according to the modus of perception.

Ключевые слова: концепт, концептуализация, рецепция, интерпретация, модус восприятия.

Keywords: concept, conceptual feature, conceptualization, reception, interpretation, modus of perception.

Введение

В данной статье анализируются некоторые результаты исследования, целью которого является описание процесса концептуализации авторского текста его реципиентами на концептуальном уровне. В данной публикации мы рассмотрим когнитивные трансформации, которым подвергается авторский концепт в процессе его когнитивной обработки читателем.

Занимаясь проблемой процессов понимания и интерпретации текста, исследователь неизбежно сталкивается с вопросом о том, каким образом читатель понимает, что именно заложено в текст автором. Теория прагматического понимания речевых актов Т. ван Дейка поднимает вопрос о том, «каким образом слушающий на самом деле узнает, что когда говорящий произносит то или иное предложение, он тем самым обещает или угрожает» [4, с. 15]. В работах Т. ван Дейка и В. Кинча процесс понимания рассматривается как многоступенчатый процесс, направленный на ограничение вариативности не только на традиционных уровнях – грамматическом, лексико-грамматическом, но и когнитивном [4]. При этом подразумевается, что перцепция текста не ограничивается только восприятием языковых и графических знаков и средств, но в большой степени включает в себя и общий фонд знаний, коммуникативный фон. «Коммуникативный фон понимается прежде всего как совокупность условий и особенностей производства, распространения и восприятия медиатекста, иначе говоря, всего, что стоит за его словесной частью» [5, с. 28]. Для идентификации речевого акта слушающему нужна информация из многих источников и каналов, среди которых авторами выделяются грамматика, паралингвистика, наблюдение ситуации, хранящиеся в памяти знания, знания о характере происходящего, знания, полученные из предыдущих речевых актов, а также другие знания о мире. По сути, в процессе чтения текста (в данном исследовании мы говорим о художественном тексте) читателю для успешного понимания необходимо собрать компоненты информации из тех же самых источников и по тем же самым кана-

лам. Лишь с тем только отличием, что в связи со спецификой письменного текста, читатель лишается возможности проанализировать паралингвистические характеристики исходного текста (в какой-то мере он сам приписывает данные характеристики читаемому тексту, исходя из собственного опыта, памяти, знаний, коммуникативной интуиции и т. д.) Иными словами, смысловое поле текста как языкового единства структурировано таким образом, что дает читателю как варианты, так и инварианты проекций текста. Если рассмотреть процесс понимания текста и декодирования смыслов, заложенных в нем, глубже, получается, что языковая база текста активирует в сознании реципиента механизм соотнесения с той областью его знаний и опыта, в рамках которой реализуется данный дискурс. Именно поэтому «разные читатели выделяют неодинаковые значения в качестве основных, важных или представляющих интерес, а также наделяют дискурс различными темами и основным содержанием» [4, с. 45].

В связи с этим встает вопрос о характере взаимодействия автора и читателя в процессе создания и рецепции текста: «закладывает» ли автор определенный набор смыслов в текст для того, чтобы читатель декодировал актуальные для него смыслы, либо же эти смыслы не ингерентны тексту и складываются в процессе взаимодействия и наложения концептуальных структур автора и читателя. Кроме того, являются ли «рожденные» смыслы рецептора инвариантными, или же восприятие и понимание текста – это непрекращающийся процесс возникновения новых и новых вариантов интерпретаций.

Дизайн эксперимента

Материалом исследования послужили записанные 22 интервью, взятые у 14 респондентов в различных возрастных и гендерных категориях и принадлежащих к разным лингвокультурам. По возрастному критерию респонденты распределены по трем группам: 20 – 30 лет (6 человек), 30 – 50 лет (5 человек), 50 – 70 лет (3 человека). По гендерному критерию фокус-

группа состоит из 7 мужчин и 7 женщин. Все респонденты являются носителями разных вариантов английского языка: американцы – 11 человек (среди них 1 респондент является американкой армянского происхождения, 1 респондент – латиноамериканского происхождения), австралийцы – 2 человека, канадцы – 1 человек.

Респондентам предлагалось прочитать рассказ Э. Хемингуэя «Там, где светло, чисто» (A Clean Well-Lighted Place) и записать видео- или аудиофрагменты со своими комментариями к прочитанному рассказу. Эксперимент при этом не предполагал для респондентов никаких ограничений по длительности записи, а также по темам, которые респонденты могут затрагивать. Данные интервью были переведены в письменные тексты, которые и составили эмпирическую базу данных.

Объектом описания в данной статье стал авторский художественный концепт LONELINESS, претерпевающий определенные трансформации в процессе рецепции художественного рассказа читателями.

На данный момент лингвистической науке известно значительное количество методов и приемов когнитивного описания концептов, однако и в этом множестве методик можно выделить достаточно общие тенденции анализа. Построение номинативного поля концепта через установление ключевого слова-репрезентанта является одним из общепринятых этапов в описании экспликации концепта [10].

В своем исследовании мы ориентируемся на разработанную З. Д. Поповой и И. А. Стерниним концепцию анализа, обращаясь также к исследованиям А. А. Залевской, Ю. С. Степанова, Н. Н. Болдырева, В. И. Карасика и др.

На первом этапе исследования мы провели концептуальный анализ авторского концепта, для этого определили ключевое слово-репрезентант, объективирующее концепт, содержание и динамику которого мы собираемся описать. В качестве такого слова выступает лексема LONELINESS (одиночество). Одиночество – универсальное чувство и состояние, переживаемое в тот или иной период жизни практически каждым человеком, независимо от его расы, возраста, социального статуса и других факторов. Феномену одиночества посвящено огромное количество исследований в разных областях знания – психология, социология, философия, филология и лингвистика. Тема одиночества в творчестве Э. Хемингуэя занимает центральные позиции, что отмечается как известными исследователями творчества писателя [6; 13], его биографами [9; 12], так и наивными читателями.

Выделив ключевое слово-репрезентант, мы через анализ синонимического расширения ключевого слова и контекстов, в которых номинируется исследуемый концепт [10], установили ядро номинативного поля концепта LONELINESS. Ядро номинативного поля концепта устанавливается, как правило, через синонимическое расширение ключевого слова-репрезентанта. Словари и тезаурусы американского варианта английского языка (18) фиксируют следующие синонимы лексемы *loneliness*: *solitariness* ('одиночество', 'уединение'), *forlornness* ('заброшенность'),

desolation ('опустошение'), *aloneness* ('пребывание в одиночестве'), *lonesomeness* ('тоска от одиночества'), *isolation* ('изолированность'), *singleness* ('одиночество', 'безбрачие'), *solitude* ('уединенность').

Необходимо уточнить, что в данном исследовании мы имеем дело не с национальным лингвокультурным, но с индивидуально-авторским концептом LONELINESS (одиночество). Языковая личность писателя трансформирует национальный концепт, наделяет его неповторимыми отличительными характеристиками, превращая в художественный концепт. Используя в своей работе данный термин, мы ссылаемся в первую очередь на работы психолингвистического направления в концептологии, в которых художественный концепт понимается как единица писательского сознания, репрезентированная в одном произведении/цикле/едином тексте художника слова и выражающая индивидуально-авторское осмысление предметов или явлений [1; 2].

Данный объект исследования требует адаптации методики концептуального анализа. Выявив ядро номинативного поля концепта LONELINESS в английском языке, мы предприняли попытку вычленив ядро номинативного поля данного концепта в анализируемом рассказе Э. Хемингуэя «Там, где светло, чисто» ("A Clean, Well-Lighted Place"), однако выяснили, что в данном тексте нет прямого употребления субстантивной формы ни ключевого слова-репрезентанта, ни его синонимов и близких по значению слов. Таким образом, можно предположить, что номинативное поле индивидуально-авторского концепта LONELINESS не имеет четко выраженного ядра, что является его яркой особенностью.

Анализ концепта продолжается через установление периферии номинативного поля. Как уже было отмечено, прямой номинации концепта в рассказе мы не находим, однако дважды встречаем однокоренную единицу лексемы *loneliness* – "*lonely*" (одинокий). Так как в данном случае лексема *lonely* выполняет функцию замещения ключевого слова-репрезентанта, для более полного представления о концепте мы обратились к анализу синонимического расширения данной лексемы, проведенному на базе 18 словарей. Нами было зафиксировано 43 синонима лексемы *lonely* и 76 близких ей по значению слов. В тексте анализируемого рассказа не зафиксирована ни одна из найденных лексем, а это значит, что способ объективации концепта LONELINESS в исследуемом рассказе отличается от способов объективации данного концепта в национальном сознании.

Продолжая построение периферии номинативного поля концепта LONELINESS, мы обратились к анализу данных ассоциативных словарей. Лексема LONELINESS имеет следующие ассоциаты (в ходе данного анализа было собрано 96 реакций на словостимул LONELINESS): ALONE 10 (одинокий, в одиночестве), SOLITUDE 8 (уединение), SAD 7 (грустный), OLD 4 (старый), RUNNER 4 (побег, бегун), FEAR 3 (страх), AFRAID 2 (напуганный), EMPTY 2 (пустой), ISOLATED 2 (изолированный), LIFE 2 (жизнь), MISERY 2 (страдание, несчастье, нищета), QUIET 2 (тихий, бесшумный), SELF 2 (сам, себя), TIRED 2 (утомленный, уставший), UNHAPPY 2 (не-

счастливый), VOID 2 (пустота, вакуум), AGE 1 (возраст), ANXIETY 1 (тревога, беспокойство), BAD 1 (плохой), BED-SITTER 1 (сиделка), BLANK 1 (пустота), BOREDOM 1 (скука), CLOAK 1 (покрывало, прикрытие), DEATH 1 (смерть), DESPERATE 1 (отчаявшийся), DONE 1 (измученный, уставший), FED UP 1 (сытый по горло), FLAT 1 (однообразный, безжизненный), FRIENDSHIP 1 (дружба), GREY 1 (серый, седой, монотонный), HIGHLANDS 1 (горная страна), **HOME** 1 (дом), HORRID 1 (ужасный, отвратительный), **HUNG** 1 (повешенный), ISOLATION 1 (изоляция), LOST 1 (потерянный), MAN 1 (человек, мужчина), MELANCHOLY 1 (меланхолия), MISSING 1 (отсутствующий, пропавший), OLD AGE 1 (преклонный возраст), OLD PEOPLE 1 (пожилые люди), OLD WOMAN 1 (пожилая женщина), OLD-AGE 1 (пожилой возраст), ONE 1 (один), PEOPLE 1 (люди), ROOM 1 (комната, пространство), SADNESS 1 (грусть, печаль), SILENCE 1 (тишина), STARK 1 (окоченелый, застывший), STRIFE 1 (борьба, ссора), TERROR 1 (ужас), THINK 1 (думать), TIME 1 (время), TONY 1 (изысканный (или имя Тони), UNDERWATER 1 (подводный), WOMAN 1 (женщина).

Несмотря на обширность ассоциативного ряда ключевого слова LONELINESS, в тексте анализируемого рассказа встречаются лишь немногие из перечисленных языковых единиц (для удобства они выделены жирным шрифтом и подчеркнуты). Однако отметим, что выявленные ассоциаты в большинстве своем имеют сходные семантические компоненты и могут быть объединены и категоризованы в следующие когнитивные признаки (с учетом результатов анализа синонимического ряда):

- 1) быть наедине с собой, не в компании людей;
- 2) (не) по собственному желанию быть изолированным от других людей;
- 3) не иметь или лишиться интимно-личностных отношений (дружеских, семейных, сексуальных и т. д.);
- 4) иметь определенные физические/психологические проблемы, но не иметь надлежащего ухода;
- 5) испытывать отрицательные эмоции, находиться в угнетенном состоянии (не нормальном для человека);
- 6) быть старым (не иметь достаточно жизненного времени);
- 7) связано с пустотой в физическом или психологическом плане;
- 8) может быть вызвано или сопровождаться тишиной или отсутствием звуков;
- 9) приводит к физическому истощению;
- 10) может быть вызвано смертью кого-либо или привести к смерти субъекта, находящегося в состоянии одиночества;
- 11) так или иначе связано с домом, домашним очагом или его отсутствием.

На следующем этапе нашего исследования мы проанализировали, какие из данных когнитивных признаков реализуются в индивидуальном авторском сознании, с помощью каких языковых средств и в каком соотношении. В связи с определенными рамками научной статьи мы не имеем возможности полностью привести данные анализа, поэтому опишем сра-

зу его результаты. Итак, когнитивные признаки индивидуально-авторского концепта LONELINESS располагаются в следующей последовательности, в зависимости от их частотности (в скобках – примеры языковых репрезентаций; цифры – количество языковых репрезентаций данного признака в рассказе): Возраст, старость против юности (“He must be eighty years old”, “An old man is a nasty thing”) 33, «Ничто» (“Nada”, “nothing”) 30, Алкоголь (“drunk”, “brandy”) 20, Дом (“I want to go home to bed”) 12, Недостаток времени (“He was only in a hurry”) 11, Достоинство (“a very old man walking unsteadily but with dignity”) 7, Отличие, разница / Не принадлежность к группе (“A clean, well-lighted cafe was a very different thing”, “Otro loco mas”) 6, Смерть/Самоубийство (“he tried to commit suicide”) 6, Отсутствие интимно-личностных отношений (“He had a wife once too”) 6, Деньги (“He has plenty of money”) 5, Тишина (“he was deaf”, “now at night it was quiet”) 5, Уверенность (“No. I have never had confidence and I am not young”) 5, Отсутствие надлежащего постоянного присмотра, помощи (“His niece looks after him”) 5, Отрицательные эмоции (“He was in despair”, “What did he fear?”) 4, Сон (“it is probably only insomnia”) 3, Работа (“You have youth, confidence, and a job”) 3, Эмпатия (“Each night I am reluctant to close up because there may be some one who needs the cafe”) 2, Быть наедине с самим собой (“Turning off the electric light he continued the conversation with himself”) 2, Пелигия (“Why did they do it?” – “Fear for his soul”) 2, Пустота (“Where the tables were all empty except where the old man sat”) 1.

Последним этапом анализа в данной статье является когнитивный анализ индивидуально-авторского концепта LONELINESS в интерпретации читателей. Полученные от респондентов интервью были проанализированы таким же образом, как и сам рассказ с целью выявления когнитивных признаков.

Напомним, что в ходе исследования было проинтервьюировано 14 человек, 8 из которых проходили процедуру дважды (т. е. всего было собрано 22 интервью). В анализируемом рассказе Э. Хемингуэя было выделено 19 когнитивных признаков концепта LONELINESS, но ни в одном из 22 интервью не реализован полный набор данных когнитивных признаков, более того, в 13 интервью (что составляет 60 % от общего количества) реализовано менее половины когнитивных признаков, «заложенных» автором в рассказе.

Вторичные интервью показали также, что набор признаков может варьироваться не только в зависимости от индивидуальных особенностей респондента, но и от конкретных условий, в которых протекают интерпретационные процессы читателя. 8 человек повторяли процедуру интервью через определенный промежуток времени (1 – 2 недели). Анализ их комментариев показал, что в 100 % случаев количество и иерархия когнитивных признаков, реализованных в комментариях после вторичного прочтения, не совпадает с количеством и иерархией когнитивных признаков, реализованных в высказывании после первого прочтения. Тем не менее возможно определить, какие признаки чаще всего имеют наивысший рейтинг в иерархии когнитивных признаков, актуализированных в большинстве комментариев респондентов: при-

знак *отрицательные эмоции* стоит на верхних позициях в 17 из 22 комментариях, признак *возраст* – в 16 из 22, признак *эмпатия* – в 11 из 22 комментариев. Здесь же необходимо отметить, что, являясь наиболее ярко выраженными признаками, актуализированными большинством респондентов, эти признаки в большем объеме подверглись изменению (в сравнении с теми, что были выявлены в структуре индивидуально-авторского художественного концепта). Когнитивный признак *возраст* особых изменений не претерпел, в основном за счет того, что и в рассказе, и в интервью респондентов он актуализируется одинаково как идея конфликта поколений. Однако признаки *отрицательные эмоции* и *эмпатия* в рассказе актуализированы неярко и исключительно за счет описания состояния и/или поведения главных героев, в комментариях респондентов, в свою очередь, эти признаки значительно расширены описанием собственных чувств респондентов по отношению к главным героям и их поведению. Как правило, такое расширение признака реализовано с помощью глаголов с семантикой чувствования/ощущения:

Отрицательные эмоции:

– I feel like this guy is depressed / У меня такое ощущение, что этот парень подавлен. (Alexander D.)

– I feel bad for this guy / Я сочувствую этому парню. (Alexander D.)

– I just felt very despairing / Я чувствую себя в полном отчаянии. (Bethany L.)

– I was worried for the old man / Я переживала за старика. (Bethany L.)

Эмпатия:

– I guess I sympathize with the older waiter / Думаю, я сочувствую старику. (Andrew Ch.)

– I feel sorry for the drunk man / Мне жаль этого подвыпившего старика. (Andrew Ch.)

– I get I'm just feeling so much sympathy for this man / Мне кажется, я чувствую такое сострадание к старику. (Bethany L.)

– I feel the hurried waiter is still being very rude and this makes me mad / Я чувствую, что официант, который торопится, очень груб, и это меня злит. (Carmen L.)

Полученные результаты предоставляют экспериментальные данные, подтверждающие наше утверждение [8] о том, что когнитивное взаимодействие концептуальных сетей автора и читателя строится с помощью определенных связей – модусов восприятия. «Будучи ведущей переживаемой актуально эмоцией, выполняющей функцию аттрактора для формирующейся концептуальной сети, модус постоянно

находится в зависимости от реальной действительности, а потому постоянно видоизменяется в соответствии с текущими многочисленными факторами речевой ситуации. Это приводит к тому, что концептуальная сеть может переструктурироваться при восприятии одного и того же текста одним читателем каждый раз, когда изменяются обстоятельства» [8].

Выводы

В процессе создания текста автор определенно «закладывает» в него некий набор смыслов, концептов и их признаков, опираясь на типизированные схемы знаний и когнитивные модели, устоявшиеся в данном языковом сообществе, а также ориентируясь на собственный опыт, конкретные мотивы и индивидуальную концептуальную систему. Однако читатель в силу собственных индивидуальных особенностей «вскрывает» лишь некоторые из заложенных в текст смыслов. В процессе рецепции текста читатель существует в художественном пространстве текста, он «погружается» в художественную среду этого текста. Между тем, как известно, «области окружающей среды, доступные для взаимодействия двух и более организмов – области взаимодействий – в один и тот же момент времени совпадают только в исключительных случаях (чаще всего мы находимся в различных точках физического, личного, социального и даже ментального пространства и времени), к тому же совокупности возможных взаимодействий организма со средой также не совпадают от особи к особи в силу индивидуальных физиологических, психических и других особенностей» [7]. Иными словами, существуя в пространстве художественного текста, читатель все же организует свое существование в нем иначе, нежели автор или даже он сам, но в другой период времени.

Из предыдущего же утверждения и полученных экспериментальных данных следует, что художественный концепт подвергается когнитивным трансформациям не только от читателя к читателю, но и при каждом последующем чтении текста одним и тем же читателем. Совокупность концептуальных признаков не является стабильной и устоявшейся иерархией с четким ядром и периферией – под влиянием ежесекундно меняющихся факторов окружающей среды меняется как состав, так и взаиморасположенность признаков. Процессы концептуализации при этом проходят на базе модусов восприятия – динамичных связей, актуально переживаемых и зависимых от ситуационных условий эмоций, высвечивающих при этом тот или иной концептуальный признак в структуре концепта и затеняющий остальные.

Литература

1. Беспалова О. Е. От соотношения художественного и культурного концептов (на материале поэзии Н. Гумилева) // Слово. Семантика: сб. науч. труд. СПб.: РГПУ, 2002. С. 90 – 96.
2. Бутакова Л. О. Роль модальностей восприятия в формировании смысловой системы автора и ее репрезентации в структуре художественного текста // Восприятие: лингвистический и психолингвистический аспекты: сборник научных трудов / под ред. Л. О. Бутаковой. Омск: ОмГУ, 2005. 120 с.
3. Грибанов Б. Хемингуэй. (Серия: Жизнь замечательных людей). М.: Молодая гвардия. 1971. 448 с.
4. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: БКГ им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
5. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). Изд. 2-е, стереот. М.: Едиториал УРСС, 2005. 288 с.

6. Кашкин И. А. Эрнест Хемингуэй. Избранные произведения: в 2-х т. / под ред. И. А. Кашкина. М.: Государственное издательство Художественной литературы, 1959.
7. Колмогорова А. В. Человек, но светлый: об одном из способов объективации языкового значения // Вопросы психолингвистики. 2009. Вып. 10. С. 120 – 128.
8. Колмогорова А. В., Мартынюк К. В. Концептуальное взаимодействие автора и читателя в процессах создания и рецепции текста // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: ТГУ им. Державина, 2014. № 3(040). С. 19 – 37.
9. Паскуаль А. Эрнест Хемингуэй / пер. с исп. А. Берковой. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. 188 с.
10. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. 314 с.
11. Рахимова Н. М. Когнитивные стратегии интерпретации прецедентного текста в контексте художественного произведения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2011. № 2. С. 139 – 142. Режим доступа: <http://www.gramota.net/materials/2/2011/2/41.html>
12. Чертанов М. Хемингуэй. Серия ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2010. 576 с.
13. Wagner-Martin L. Ernest Hemingway. A literary life. Palgrave Macmillan. N.Y.; London, 2007.

Информация об авторе:

Мартынюк Ксения Владимировна – старший преподаватель кафедры английского языка и методики преподавания Новокузнецкого филиала КемГУ, аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ИФ и ЯК Сибирского федерального университета, martynukkv@gmail.com.

Ksenia V. Martynuk – Senior Lecturer at the Department of the English language and Methods of Teaching, Novokuznetsk branch of Kemerovo State University; post-graduate student at the Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Siberian Federal University.

(Научный руководитель: Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ИФ и ЯК Сибирского федерального университета, nastiakol@mail.ru.

Research advisor: Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor at the Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Siberian Federal University).

Статья поступила в редколлегию 03.09.2015 г.